

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА В РОМАНЕ М. ЭТВУД «РАССКАЗ СЛУЖАНКИ» (К ПРОБЛЕМЕ ПЕРЕВОДА)

Е. П. Жаркова

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 15 сентября 2015 г.

Аннотация: статья посвящена проблеме перевода антиутопии канадской писательницы М. Этвуд «Рассказ Служанки», сделанного А. Грызуновой. В статье отмечается оправданность использования в русском варианте просторечной лексики (прежде всего, сленга и вульгаризмов) в тех случаях, когда этого требуют определенные ситуации в романе, унижающие героиню как женщину и возможную мать. Однако в большинстве других сцен обращение переводчика в сниженной лексике представляется излишним, в главное – противоречащим облику героини-рассказчицы, получившей в прошлом гуманитарное образование, обладающей тонкой душевной организацией.

Ключевые слова: антиутопия, вульгаризмы, перевод, просторечие, сленг, Этвуд.

Abstract: the article deals with the translation of the Canadian writer M. Atwood's dystopia "The Handmaid's Tale" made by A. Gryzunova. The article notes the justification for the use in the Russian version of colloquial vocabulary (especially slang and vulgar) in cases where it is required by specific situations in the novel, degrading the heroine as a woman and a possible mother. However, in the majority of the other scenes the translator's appeal to the vernacular vocabulary seems redundant and, above all, contradicts to the appearance of the heroine-narrator, who received a humanitarian education in the past and has a fine spiritual organization.

Key words: dystopia, vulgar, translation, vernacular language, slang, Atwood.

Роман канадской писательницы М. Этвуд «Рассказ Служанки» (1985) – антиутопия, повествующая о судьбе одной из жертв вымышленного тоталитарного режима, женщине, называемой Фредова, которая вынуждена принять на себя роль «инкубатора» и вынашивать детей для членов правящей элиты, лишаясь собственной семьи и свободы.

С момента публикации роман вызвал большой интерес у западных литературоведов, которые обращались к самым разнообразным аспектам произведения Этвуд, в том числе и его языковым особенностям. На русском языке роман «Рассказ Служанки» впервые был опубликован в 2006 году в переводе А. Грызуновой и издан еще раз в 2010 году в этом же переводе.

Антиутопия Этвуд – сложное, многоплановое произведение, несомненно, представляющее интерес для переводчика и требующее от него особой тщательности. К примеру, нельзя не отметить бережное отношение переводчика к архаическим чертам библейского текста, цитируемого в произведении: А. Грызунова не только сохраняет верность каноническому тексту Ветхого и Нового заветов, но и дает комментарии относительно заимствований из Библии (отсутствующие у Этвуд). Особого внимания заслуживает также творческий подход переводчика к многочисленным элементам языковой

игры, каламбурности в тексте, которые она стремится адекватно передать доступными русскому языку средствами. Однако вместе с тем некоторые отличительные особенности перевода «Рассказа Служанки» вызывают сомнения. Прежде всего, это адекватность передачи в переводе лексических особенностей текста с точки зрения стилистики.

Проблема стилистической соотнесенности исходного и переводного текстов – одна из важнейших при переводе произведений иноязычной литературы. Отмечено, к примеру, А. А. Хафизовой, что советской переводческой практике была свойственна «пуристическая традиция» – стремление несколько «подчистить» язык оригинала при переводе, используя более высокие эквиваленты тех или иных стилистических единиц [1, 97]. На эту же особенность обращает внимание и Н. А. Амбросимова: «Переводчики, несмотря на наличие нестандартной просторечной лексики в языке оригинала, стремились перевести ее лексемами, принадлежащими к нейтральному пласту» [2, 136]. По мнению исследователя, это объясняется экстралингвистическими факторами: советские переводчики стремились облагородить текст согласно требованиям цензуры, возвысить и утвердить человеческий идеал в противовес западной идеологии.

Однако в современных условиях переводчика подстерегает совсем иное искушение – не облагородить переводимый текст, а, напротив, сделать его

более привлекательным для массового читателя, в том числе и путем усиления экспрессивной составляющей, придания тексту излишней фамильярности, грубости и даже непристойности.

Так, одна из характерных черт романа в переводе А. Грызуновой – обилие стилистически сниженной лексики, прежде всего, сленгизмов и вульгаризмов. Однако при сравнении с оригинальным текстом М. Этувд оказывается, что использование отклонений от языковой нормы в переводе далеко не всегда оправданно. В данной статье мы пытаемся доказать случаи таких переводческих отступлений от текста оригинала, используя метод сопоставительного анализа исходного и переводного текстов.

Рассмотрим, к примеру, конец второй главы романа, особенно насыщенный разговорной и стилистически сниженной лексикой. Героине романа Этувд Фредовой, Служанке, чья функция в тоталитарном государстве сводится к деторождению, практически полностью запрещено разговаривать с представительницами других социальных групп, в частности, Марфами (женщинами, занимающимися домашним хозяйством, подобно обычной прислуге). Однако она, испытывая потребность в простом человеческом общении, жадно подслушивает их беседы, сводящиеся к передаче малозначительных сплетен и слухов. В русском переводе речь «Марф» многократно маркируется стилистически сниженными словами и фразеологизмами [3, 13–15]. Но при сопоставлении переводного текста с исходным выясняется, что практически все лексические и фразеологические единицы в оригинале стилистически нейтральны: *starve to death* – а переводчик дает вариант «помереть с голодухи», *hard work* – у переводчика «работенка», *stabbed* – тыкнула, *must've been that drunk* – напился вусмерть, мертвяк – *dead*, *belly* – пузо [4, 20–21].

Как отмечают исследователи, отклонения от языковой нормы используются во многом в качестве речевой характеристики отдельных персонажей [5, 212]. Вероятно, по мысли переводчика, здесь и в иных случаях употребление ярко выраженного просторечия как раз должно было способствовать созданию яркой характеристики Марф – необразованных, грубых женщин, занятых тяжелым физическим трудом. Однако при этом упускается из виду тот факт, что речь этих персонажей передается опосредованно, через сознание главной героини, получившей в свое время гуманитарное образование, знакомой с филологией и, следовательно, воспроизводящей речь Марф применительно к своему духовному уровню. Отсюда в оригинале романа – очевидная стилистическая нейтральность высказываний прислуги, что игнорирует переводчик.

Можно привести и другие примеры: в 20 й главе, в частности, героиня вспоминает типичную бытовую сцену – разговор с матерью, убежденной феминист-

кой. В переводе речь матери Фредовой, женщины образованной и начитанной, хотя и склонной к резким высказываниям, характеризуется обилием стилистически сниженных слов и фразеологизмов. В оригинале же, за исключением пары явных ругательств, речь персонажа предстает в целом нейтральной в плане стилистики: *smelly* – *walk out* переводится как «смыться», *get up off the bed* – как «прочухаться», *pretend* – «придуриваться», *went to the coast* – «слинял», *father* – «папаша» и т. д. [4, 136–138]. С подобным положением дел мы сталкиваемся и при сопоставлении текста оригинала и перевода в остальных частях романа, к примеру, в описании сцены родов одной из Служанок (глава 21) или беседы Фредовой со своим хозяином во время посещения нелегального публичного дома «Иезавель» (глава 37).

Примечательно, что единственная сцена в романе, где вульгаризмы в устах главной героини действительно употребляются в полном соответствии с оригиналом, – это сцена ежемесячной «церемонии зачатия», фактического изнасилования бесправной героини Командором (ее «хозяином») в присутствии собственной жены. По сути, это единственный фрагмент романа, где из уст героини звучат откровенные непристойности. Их употребление тем более обращает на себя внимание, что в остальных случаях речь героини практически всегда – сдержанная, интеллигентная, стилистически выдержанная. На этом фоне ярко выделяются слова и выражения, призванные описать «технические подробности» описываемого акта насилия, его бесчеловечность, бесчувственность.

Героиня – одновременно и невольная участница ужасающего процесса, и отстраненная наблюдательница, констатирующая его ход с едкой иронией. Именно потому, что героине подобное словоупотребление не свойственно (несмотря на приписывание ей этого в остальном тексте перевода), вульгаризмы в данном фрагменте несут важную смысловую функцию. Они показывают, что происходящее не имеет ничего общего с человеческими отношениями и обменом эмоциями, вынося приговор антигуманному тоталитарному обществу и его идеологии, оправдывающей насилие над самыми интимными сферами человеческой жизни и психики: «Ниже ебет Командор. Ебет он нижнюю половину моего тела. Я не говорю, что он занимается любовью, ибо он ею не занимается. «Совокупление» тоже будет неточно, поскольку оно подразумевает двух людей, а участвует только один. И изнасилование не описывает процесс: все, что здесь творится, я приняла добровольно. Особого выбора не было, но некий был, и я выбрала это» [3, 108].

Единственный второстепенный персонаж, обладающий собственной, ярко различимой речевой характеристикой, для создания которой как раз

и используются сленгизмы и вульгаризмы – это подруга героини Мойра, ее своеобразное «альтер эго». Если сама Фредова – в прошлом ничем не примечательная, типичная представительница среднего класса, вполне благонамеренная во всем, в том числе и в речи, то Мойра была и остается бунтаркой, отвергающей традиции и нормы общества во всем, от сексуального поведения до речевой непристойности. Ее речь дерзка, груба и откровенно вызывающая, что подчеркивается многократным употреблением просторечных слов, и в данном случае текст оригинала не уступает по сниженности лексики переводу: из уст Мойры звучит не только типичный молодежный сленг (sigs, dorm), но и нецензурные слова (tits, whore, pee, cratch rot).

Если в ранних воспоминаниях главной героини Мойра предстает как молодая и несдержанная девушка, не скрывающая своей сексуальной ориентации, изобретающая непристойные выходки и бравирующая своим грубым остроумием, то ругательства повзрослевшей Мойры, которую героиня встречает в нелегальном публичном доме уже в антиутопическом тоталитарном государстве, призваны отражать совсем иное ее состояние. Непокорная Мойра оказывается такой же жертвой насилия и принуждения, как и остальные. В ее ругательствах – бессильная злоба и боль, которую удается с помощью речевых средств передать и Этвуд, и следующему в данном случае за текстом оригинала переводу А. Грызуновой. Хотя в романе речь Мойры также опосредуется главной героиней, есть оговорка: Фредова старается как можно точнее воспроизвести все ее особенности, потому что для нее это средство «оживить» Мойру, которой, как она подозревает, вполне может уже не быть на свете: «Я очень старалась, чтобы звучало похоже на нее. Так я не даю ей умереть» [4, 277].

Таким образом, при сопоставлении случаев употребления стилистически сниженных языковых средств в антиутопии Этвуд «Рассказ Служанки»

и в ее переводе на русский язык становится очевидным, что автор пользуется отклонениями от литературной нормы более продуманно и «дозированно», нежели переводчик. В интерпретации писательницы этот пласт лексики несет важную смысловую нагрузку, обращая внимание читателя на самые ужасающие аспекты подавления личности в тоталитарном государстве. Вульгаризмы, отсылающие к сфере личной жизни, человеческому телу и его проявлениям, призваны подчеркнуть профанацию интимного, свойственную антиутопическому жанру в целом и роману М. Этвуд в особенности. Естественные, сакральные для женщины-матери процессы интимной близости, зачатия, деторождения оказываются сведены к механическим процедурам, для описания которых даже у мягкой и женственной героини не находится литературного аналога. Просторечие в романе Этвуд – не заигрывание с читательскими вкусами (как это может показаться в переводе), а показатель мастерства автора, благодаря которому даже непристойность и ругательство оказывается мерилем человечности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хафизова А. А. Перевод разговорной и стилистически сниженной лексики на русский язык: семантико-стилистические аспекты / А. А. Хафизова // Вестник БФУ им. И. Канта. – Калининград, 2014. – № 2. – С. 90–98.
2. Абросимова Н. А. Некоторые вопросы перевода сниженной лексики английского языка на русский язык (на материале рассказов О. Генри, М. Твена, С. Ликока) / Н. А. Абросимова // Вестник Чувашского университета. – Чебоксары, 2007. – № 3. – С. 132–137.
3. Этвуд М. Рассказ Служанки / М. Этвуд. – М. : Эксмо, 2010. – 352 с.
4. Atwood M. The Handmaid's Tale. / M. Atwood. – London : Vintage Books, 1996. – 324 p.
5. Голикова Ж. А. Перевод с английского на русский. Learn to Translate by Translating from English into Russian / Ж. А. Голикова. – Минск : Новое знание, 2008. – 287 с.

*Воронежский государственный университет
Жаркова Е. П., аспирант кафедры зарубежной литературы
филологического факультета
E-mail: eugenia_zharkova@mail.ru*

*Voronezh State University
Zharkova E. P., Post-graduate Student of the Foreign
Literature Department
E-mail: eugenia_zharkova@mail.ru*